

Ушли на рассвете

Из книги о молодых поэтах, погибших во время Великой Отечественной

Летом 1942-го Семён Гудзенко вышел из госпиталя и вернулся в Москву. Однажды на улице Горького он услышал шаги за своей спиной. Оглянулся: незнакомая женщина. «Простите, — говорит, — ошиблась. У вас стрижка, как у моего сына. Сзади вылитый Вова. Извините...»

В XXI веке 9 мая по той же улице течет людская река — идет шествие Бессмертного полка. И вдруг обжигает мысль: а как же те мальчики, чьи фотографии некому нести? Ведь несут родные родных, а у тех нецелованных или не успевших жениться ребят не осталось потомков. Их сыновьям было бы сейчас под восемьдесят, внукам под шестьдесят, правнукам около тридцати, праправнуки пошли бы нынче в школу...

Но, быть может, они — эти погибшие безусые мальчики — быть может, они там, в ином мире, на особом счету? И 9 мая не люди, но ангелы проносят их чистые образы?

Мало кто из тех ребят успел до войны выпустить сборник стихов или опубликовать их в литературных журналах. Многие не увидели напечатанной ни одной своей строчки. Их архивы, и без того скудные, утрачены в войну или после войны, а уцелевшие рукописи далеко не все опубликованы. От некоторых юношей, пробовавших себя в поэзии, и рукописей не осталось — лишь свидетельства близких, друзей или однополчан о том, что они писали стихи.

Кто-то из читателей, пролистав эту книгу, строго скажет: как можно называть поэтами тех, кто лишь мечтал о литературе? Кто, быть может, и не стал бы никогда поэтом? Что тут ответить. Они — поэты в самом глубоком и духовном смысле, а не только лишь в литературном. И еще неотступно вспоминается (может и не к месту) пушкинское: «А мы с тобой вдвоем предполагаем жить...»

Мальчики 1941-го видели себя в русской культуре, дышали ей и предполагали жить. И это позволяет нам — независимо от того, сколько стихотворений они успели написать — предполагать в них поэтов. И помнить, что за каждым именем — огромный мир чувств, мыслей, надежд, в одночасье прерванных войной. Быть может, среди этих ребят, где-то в братской могиле, лежит и тот новый Пушкин, которого мы так ждали в XX веке.

В мае вечерние сумерки слишком быстро переходят в утренние. Не звоните, будильники. Не греми, рукомошник. Помолчите, репродукторы.

Дайте дописать стихи.

Дмитрий ШЕВАРОВ

Книга «Ушли на рассвете. Судьбы и стихи 25 молодых поэтов, погибших во время Великой Отечественной» выходит к 75-летию Победы в издательстве «Российская газета». Автор-составитель Дмитрий Шеваров.

Эта книга готовилась несколько лет. В ее составлении участвовали родные и близкие погибших поэтов, архивисты, филологи, библиотекари, журналисты, а также читатели «Российской газеты». В основное повествование вошли очерки о 25 молодых поэтах, их стихотворения и письма. Завершает книгу мартиролог. Этот поминальный список включает имена 129 молодых поэтов (условной границей между молодостью и зрелостью избран возраст 30 лет). Очевидно, каждый читатель встретит в нем своих земляков — ведь нашей общей Родиной был многонациональный Советский Союз.

«Пусть труса празднует другой...»

**Владислав Занадворов, 28 лет.
Гвардии лейтенант, командир минометного взвода.
Погиб 27 или 28 ноября 1942 года в бою у деревни Русаково
Чернышевского района Ростовской области.**

На его стихах запеклась кровь отступающих. В его строках — сорванный голос тех, кто прорывался из окружения.

О контрнаступлениях, о взятии городов, о Победе Владислав Занадворов написать не успел. Но погиб он в наступлении.

Чудом дошедшие до наших дней письма лейтенанта Занадворова жене Кате (Екатерине Павловне Хайдуковой) — это оплаканные, ветхие, пожелтевшие листочки с гаснущими карандашными строчками.

Под ногами была бесконечная осенняя грязь, смешанная с мокрым снегом. Густой туман лежал в балках сутками. Почти нулевая видимость. Фашисты вряд ли ждали ответного броска в такую пору. Но именно 19 ноября 1942 года в 7 часов 30 минут началось контрнаступление войск Юго-Западного фронта под Сталинградом.

Командир минометного взвода гвардии лейтенант Владислав Занадворов был одним из тех, кто в то утро поднялся в атаку. 510-й полк в составе 47-й гвардейской стрелковой дивизии должен был выбить противника из станицы Чернышевской. За три часа ожесточенного боя удалось лишь на километр-два приблизиться к станице. Немцы и румыны превратили ее в крепость.

Еще летом у Чернышевской шесть суток сражались десантники из ударного отряда 33-й гвардейской дивизии, отвлекая на себя огонь механизированных бригад противника. В это время основные силы дивизии успели подготовиться к обороне. В тех боях отличился командир роты связи гвардии младший лейтенант Григорий Чухрай, будущий кинорежиссер. Истоки его «Баллады о солдате» здесь, в степи у станицы Чернышевской.

А в герое фильма — Алёше Скворцове — можно узнать черты Владислава Занадворова.

Сестра Татьяна вспоминала о брате: «С великой нежностью он относился к своей возлюбленной, а потом жене — Кате Хайдуковой. Его любимое обращение к ней — девочка, моя девочка... Ухаживая за Катей, он своеобразно преподносил ей цветы: засунет букет за ручку двери со стороны коридора и уйдет...»

Из письма Владислава Занадворова жене: «Дорогая моя любимая девочка! Завтра выезжаю на фронт. Ради Бога, не горюй. Когда-нибудь все это кончится, и мы снова будем вместе. За это время наш сынуля подрастет, станет совсем большим, мужественным парнем, а я снова сяду за книги и письменный стол. А пока мой адрес: 510-й стрелковый полк, огнеметная команда, младшему лейтенанту Занадворову...»

Из воспоминаний сестры Татьяны: «Когда в 1941 году ему предложили перейти работать на завод, где обеспечивалась бронь, он ответил: “Если все по заводам будем прятаться, кто воевать будет”. Вскоре брат был призван в армию...».

Он родился в Перми 15 сентября 1914 года в семье инженера-строителя. Через несколько дней был крещен с именем Владислав, в честь святого короля Сербского, милосердного и доброго правителя.

Отца часто переводили со стройки на стройку, и семья вслед за ним кочевала по стране. Среднюю школу-восьмилетку Владислав окончил в Свердловске. Поступил в геологоразведочный техникум. Позже — в Пермский университет, который окончил с отличием. Подражая старшему брату Герману, писал стихи и рассказы. Талантливого юношу стали печатать в ленинградских и свердловских журналах.

С восемнадцати лет Владислав работал в геологических экспедициях в Казахстане, на Кольском полуострове, на Крайнем Севере, за Полярным кругом. В 1940 году он блестяще окончил университет. Незадолго до войны в Перми вышла первая книга Занадворова — поэтический сборник «Простор», и одновременно родился его сын.

Уже на фронте у Владислава созрел замысел романа. 18 октября 1942 года он писал другу: «Думается о большом настоящем романе, я над ним посижу несколько лет, конечно, если вернусь. Поэтическое время ушло безвозвратно, пора браться за спокойную прозу. Не знаю, как ты, а я за это время здорово постарел, — словно сердце остыло...».

...К исходу дня 23 ноября 1942 года, после четырех суток сражения, бойцам удалось взять станицу Чернышевскую и выйти к реке Чир. Из вечерней сводки Совинформбюро: «В течение 23 ноября наши войска продолжали вести успешное наступление с северо-запада и с юга г. Сталинграда на прежних направлениях. Наши войска заняли г. Чернышевская, г. Перелазовский, местечко Погодинский, г. Тундутово и г. Аксай...»

Фашисты подтянули резервы, и двинуться на этом участке фронта дальше нашим войскам не удавалось до начала декабря. Две недели боев у реки Чир обескровили 47-ю гвардейскую дивизию.

27 ноября у деревни Русаково принял последний бой лейтенант Владислав Занадворов.

От Владислава долго не было писем. Катя Занадворова, думая, что муж тяжело ранен и не может ответить ей, в отчаянии написала письмо командиру взвода Горохову и старшине Шаурову.

Пока она ждала ответа, пришла похоронка: «Уважаемая Екатерина Павловна! Ваш муж Занадворов Владислав Леонидович погиб в наступательном бою 27 ноября 1942 года. Он убит вражеской пулей в 10 часов вечера в деревне Русаково Чернышевского района Ростовской области. Верьте, что враг жестоко поплатился за смерть вашего мужа и нашего командира».

Вслед за похоронкой пришло письмо от сослуживцев Владислава. Его написали смертельно уставшие люди, прошедшие через ад и душой еще не вернувшиеся к жизни.

«28 января 1943 г.

Добрый день!

Здравствуйте, Екатерина Павловна! На днях получил ваше письмо и хочу вам написать ответ, который вас так сильно поразит. Я хочу вам написать о смерти вашего мужа.

Ваш муж Занадворов Владислав Леонидович погиб 27 ноября 1942 года в бою с немецкими захватчиками. Тов. Занадворов убит вражеской пулей в 10 часов вечера 27 ноября 1942 в деревне Русаково Чернышевского района Ростовской области. Когда мы получили ваше письмо и видим, что из штаба извещения не было, и я решил вам написать. Хотя это для вас будет нерадостная вещь.

Екатерина Павловна, пожелаю вам всего хорошего в вашей молодой жизни.

Командир взвода Горохов.

Старшина П. Шауров».

В «Донесении о безвозвратных потерях» дата гибели Занадворова — 28 ноября. Возможно, что 27-го Владислав был тяжело ранен, а умер на следующий день.

Из стихов, написанных Занадворовым еще в сентябре 1942 года:

В беспрестанных сраженьях
 ребята мои повзрослели,
Стали строже и суше
 скуластые лица бойцов...
...Вот сейчас предо мной
 на помятой кровавой шинели
Непривычно спокойный
 лежит лейтенант Кузнецов.

510-й полк с 19 по 28 ноября потерял 24 офицера. В одном горестном списке с Владиславом Занадворовым — двадцатилетние лейтенанты. Это о них писал Владислав: красноярец Сергей Крицкий, Иван Бокадоров с ростовского хутора Арпачен, Тембат Айдаров из осетинского села Чкалы, иркутянин Филипп Тимченко, рязанец Сергей Юдаев, Андрей Северов из ярославской деревни Ракульской, Константин Желандовский с сибирской станции Юрга, Пётр Казаков из Мордовии, Василий Игнатов из тамбовского колхоза «20 лет Октября», Михаил Гусак из полтавской Решетиловки, Иван Заднипрянский из села Нижняя Марковка Воронежской области...

Здесь же — имена погибших политруков: Евгений Шванюк с Украины, Николай Соколов из Шадринска, Моисей Эберлин с башкирской станции Торбеево, Тимофей Ломовцев из мордовского поселка Ковылкино, Анатолий Зайцев из Пензы, омич Иван Разборов...

Погиб и начальник штаба полка старший лейтенант Ибраим Аманбаев, уроженец казахского села Кегень.

Владислав Занадворов и его сослуживцы похоронены в братских могилах у станицы Чернышевской. Таких могил в Чернышевском районе двадцать три.

Это стихотворение Владислав написал еще до войны:

Моих друзей не надо искать
На кладбищах городских,
В два метра длиной кровать
Кажется тесной для них.

По-братски обнявшись, они лежат,
Воинский выполнив долг.
Словно выспаться спешат
Пока тревогой не поднят полк.

Но заглушая метели плач,
Без отдыха, день за днём,
Над ними каменный трубач
Трубит, задыхаясь, подъём...

Из вечернего сообщения Советского Информбюро: «В течение субботы 28 ноября наши войска в районе города Сталинград, преодолевая сопротивление противника, продолжали наступление на прежних направлениях...»

Из писем Владислава Занадворова

22 июля 1942

...Часто вспоминаю то, что было: какой-нибудь занятый случай, чью-нибудь улыбку, невзначай сказанные слова, чей-нибудь голос, — тысячи мелочей, которые вдруг делают живым давно умершее.

21 августа 1942

...Но, иногда, моя любимая, нужно быть ко всему готовым. Я не верю в это, — но если я не вернусь, — помни, что я тебя любил всеми силами души моей, — как только умел и с каждым месяцем, с каждым годом привязывался все больше и больше к тебе. И сегодня, девочка, я не буду трусом, я могу наделать каких-нибудь глупостей, — но только не по трусости.

И еще о нашем сыне. С какой бы радостью я бы сейчас подержал его на руках! Самое главное, мне бы хотелось, чтобы он был радостным, — без той затаенной печали, какая есть у меня, да и у многих...

Катюшка моя, знаешь, как бы хорошо сейчас видеть тебя, даже просто —

смотреть — ничего не говорить. Пиши — чаще, чаще. Крепко и долго целую и обнимаю тебя и сынку. Владислав.

2 сентября 1942

Родная моя Катюшка!

Несколько дней назад получил твое письмо от 15 августа. Что-то ты стала писать совсем редко, моя хорошая. Я уже думал — не случилось ли чего-нибудь. Вот ты говоришь — писать нечего, а сама пишешь о Юрашке, о себе и не можешь представить себе, с какой радостью я читаю эти строки. Они даже заставили меня написать стишок, что со мной давно не бывало. Правда, стихотворение неважное, — писано в блиндаже, когда осыпался песок от минометного обстрела, — к тому же — самое сырое. Если хочешь — вот оно:

Когда и в жилах стынет кровь,
Я грелся памятью одной.
Твоя незримая любовь
Всегда была со мной.
В сырой тоске окопных дней,
В палящем огненном аду,
Я клялся памятью моей,
Что я назад приду.
Хотя б на сломанных ногах,
Хоть на карачках — приползу,
Я в окровавленных руках
Свою любовь несу.
Как бьётся сердце горячо!
В который раз — идя на бой
Я чувствовал твоё плечо,
Как будто ты со мной.
Пусть труса празднует другой,
А я скажу в последний час,
Что в мире силы нет такой,
Чтоб разлучила нас!

Вот видишь, девочка, я остаюсь все таким же чудачком, — даже и здесь меня порой настигает лирика. Не могу я без этого, — вот и все. А вообще-то — я отвык от настоящей человеческой жизни, от обычных житейских чувств и дел. Но верю, — когда-нибудь — для них придет время.

15 сентября 1942

Хорошая моя!

Сегодня — 15 сентября, — Юрашке 2 года, а мне 28. Крепко, крепко потормоши за меня сынку, подурачься с ним, расцелуй его — до слез. Парень-то станет совсем большим, а наше время уходит. Вот я как-то и не заметил, — каким образом дожил до этих солидных лет; времени, смотришь, прошло много, а ничего хорошего, настоящего сделать еще не сумел и сам мало видел хорошего, да и другим его мало давал. Помнишь, — у Маяковского: «Так и жизнь пройдет, как мимо прошли Азорские острова». Грустно.

Пишу это письмо, сидя в блиндаже, — у самодельного очага — углубления, вырытого в песчаной земле. Погода стоит холодная, ветряная, а у огня не только греем руки, но и душой как-то отогреваемся.

Знаешь, я часто ловлю себя на мысли: очень хорошо, что где-то далеко отсюда, за сотни дней и верст от нашей фронтовой жизни, у меня осталась ты, — моя девочка, — наш сынка... Подумаешь, и как-то делается не так одиноко. Это великая вещь, когда знаешь, что есть куда, есть к чему возвращаться.

И я должен вернуться несмотря ни на что, несмотря на то, что мало кто отсюда

вернется живым. Мне порой кажется: сейчас я сумею сказать такую правду о человеке, что у всех, кто узнает ее, дух захватит, что я и сам стану удивляться, как я сумел ее найти.

10 октября 1942

Родная моя девчурка!

Пишу эту открытку снова с фронта. Где-то в версте от нас — передовая. А я сижу в каменном сарае, приспособленном нами под жилье, — правда, — тесновато, но зато — тепло — стоит железная печь, и устроены нары — можно спокойно спать. Это — фронтовой комфорт. Лучшего и желать нечего. А на передовой в окопах, — весьма несладко. Стоят ясные, морозные дни, без снега; ветер свободно гуляет по степи, пронизывает насквозь. Несколько дней назад, когда мы шли сюда, получилось совсем паршиво, — сперва шел дождь — люди промокли, а после, ночью, — ударил ветер с крупой, плащ-палатки и шинели, — обледенели, встали колом.

27 октября 1942

Родная моя, любимая моя девочка!

...Сейчас сижу в горнице казачьего дома, — за окном степи, сухой ковыль, заросли репейника, а за низким пологим холмом, между крыльев мельницы, — садится солнце, — почти летнее, теплое солнце.

Через полчаса оно совсем зайдет, и тогда мы отправимся дальше — в путь. ...Сидим курим, разговариваем о чем попало, — и смеемся. Это у нас вообще вошло в привычку, — смеяться в любом случае, — так проще и лучше. Если ко всему относиться серьезно, будет слишком тяжело.

Подробней обо всем напишу через пару дней, а сейчас крепко, крепко целую тебя и сынку. Сейчас мне попали в руки его фотокарточки, — да так и потянуло повозиться с ним.

Еще раз — крепко целую,
твой Владислав.

16 ноября 1942

Родная моя девчурка!

Сегодня пришла почта, — но от тебя опять ничего нет, — и вообще — ни от кого. Последнее письмо твое датировано 15.10 — с тех пор — от тебя ни строчки. Не знаю — то ли потерялись письма твои, то ли ты почему-то забываешь писать. Или случилось что-нибудь? Ради Бога, девочка, — пиши чаще. Здесь с огромным удовольствием читаешь о тебе, о Юрашке. Что сейчас поделывает наш парнишка? Стал разговорчивый или все так же молчит? Как ты чувствуешь себя? Наверное — живешь впроголодь? Здесь хочется знать все мелочи, они приобретают какой-то особый смысл, как-то приближают к тебе оставленную жизнь.

У меня пока что нет никаких изменений. По-прежнему живем в сарае, вблизи от передовой. День проходит за днем, от завтрака до ужина, от дневного сна до ночного. Никаких новостей. Сейчас на нашем участке тихо, но это затишье перед бурей. Она — вот-вот разразится. Знаешь, что будет тяжело, что трудно уцелеть в ней и все-таки ждешь ее...

Недавно получил кой чего из зимнего обмундирования: теплые портянки, подшлемник, меховую безрукавку; рукавицы сшил для меня Леденев; мой ординарец.

Смотри, моя хорошая, сколько уже прошло времени, наступила зима. А сколько еще должно пройти его, прежде чем мы вернемся к мирским делам, — одному черту неизвестно. Мне иногда кажется, что и вообще это время не наступит. Впрочем, такие мысли меня посещают нечасто. Я все же остаюсь оптимистом — того же и тебе желаю, моя родная. Крепко целую тебя и сынку. Твой Владислав.

Стихотворения Владислава Занадворова

* * *

Над моею кроватью
Все годы висит неизменно
Побуревший на солнце,
Потёртый походный рюкзак.

В нём хранятся консервы,
Одежды запасная смена,
В боковом отделении —
Завёрнутый в кальку табак.

Может, завтрашней ночью
Прибудет приказ управленья,
И, с тобой не простившись,
Рюкзак я поспешно сниму...

От ночлега к ночлегу
Лишь только дорога оленья
Да в мерцании сполохов
Весь берег, бегущий во тьму.

Мы извели в жизни
Так много бессрочных прощаний,
Что умеем разлуку
С улыбкой спокойной встречать,

Но ни разу тебе
Не писал я своих завещаний:
Да, по совести, что я
И мог бы тебе завещать?

Разве только, чтоб рукопись
Бережно спрятала в ящик
И прикрыла газетой
Неоконченный лист чертежа,

Да, меня вспоминая,
Склонялась над мальчиком спящим,
И отцом бы, и матерью
Сразу для сына служа.

Но я знаю тебя —
Ты и рукопись бережно спрячешь,
От людей посторонних
Прикроешь ревниво чертеж,

И, письма дожидаясь,
Украдкой над сыном поплачешь,
Раз по десять, босая,
Ты за ночь к нему подойдешь.

В непрерывных походах
Нам легче шагать под метелью,
Коль на горных вершинах
Огни путевые видны.

А рюкзак для того
И висит у меня над постелью,
Чтобы сын в свое время
Забрал бы его со стены.

1940

Прифронтовая ночь

Костры погасли. Ночь прифронтовая.
Все громче шаг дневального в тиши.
Она пришла, любовно прикрывая
Поставленные наспех шалаши.
В них спят мои братья по оружию,
Прикрыв рукой усталые глаза.
Вдали стоят начерченные тушью
На фоне зарев тихие леса.
И даже птицы смолкли до рассвета,
Чтобы спокойней воинам спалось.
Храня наш сон, мелькнет хвостом ракета,
Как будто небо пламенем зажглось.
И снова в темном небе потонули
Прожектора зелёные лучи.
И ястребки в воздушном карауле
Летят почти неслышные в ночи.
И где-то в чаще леса на мгновенье
Зажётся фонаря сигнальный глаз,
Как будто в эту ночь перед сраженьем
Вся мощь отчизны охраняет нас...

1942

Последнее письмо

Лишь губами одними,
бессвязно, все снова и снова
Я хотел бы твердить,
как ты мне дорога,
Но по правому флангу,
по славным бойцам Кузнецова,
Ураганный огонь
открывают орудья врага.

Но враги просчитались:
не наши — фашистские кости
Под косыми дождями
сгниют на ветру без следа,
И леса зашумят
на обугленном чёрном погосте,
И на пепле развалин
поднимутся в рост города.

Мы четвёртые сутки в бою,
нам грозит окруженье:
Танки в тыл просочились,
и фланг у реки оголён,
Но тебе я признаюсь,
что принято мною решение,
И назад не попятится
вверенный мне батальон.

...Ты прости, что письмо
торопясь, отрываясь, небрежно
Я пишу, как мальчишка — дневник
и как штурман — журнал.
Вот опять начинается...
Слышишь, во мраке кромешном
С третьей скоростью мчится
огнем начиненный металл?

Но со связкой гранат,
с подожженной бутылкой бензина
Из окопов бойцы
выползают навстречу ему.
Это смерть пробегает
по корпусу пламенем синим,
Как чудовища, рушатся
танки в огне и дыму.

Пятый раз в этот день
начинают они наступление,
Пятый раз в этот день
поднимаю бойцов я в штыки,
Пятый раз в этот день
лишь порывом одним вдохновения
Мы бросаем врага
на исходный рубеж у реки!

В беспрестанных сраженьях
ребята мои повзрослели,
Стали строже и суше
скуластые лица бойцов...
...Вот сейчас предо мной
на помятой кровавой шинели
Непривычно спокойный
лежит лейтенант Кузнецов.

Он останется в памяти —
юным, веселым, бесстрашным,
Что любил по старинке
врага принимать на картечь.
Нам сейчас не до слёз —
Над товарищем нашим
Начинают орудья
надгробную гневную речь.

Но вот смолкло одно,
и второе уже замолчало,
С тылом прервана связь,
а снаряды приходят к концу.
Но мы зря не погибнем!
Сполна мы сочтемся сначала.
Мы откроем дорогу
гранате, штыку и свинцу!

Что за огненный шквал!
Всё сметает...
Я ранен вторично...
Сколько времени прожито, —
сутки, минута ли, час?
Но и левой рукой
я умею стрелять на отлично,
Но по-прежнему зорок
мой кровью залившийся глаз.

Снова лезут, как черти.
Но им не пройти, не пробиться.
Это вместе с живыми
стучатся убитых сердца,
Это значит, что детям
вовек не придется стыдиться,
Не придется вовек
и украдкой краснеть за отца!

Я теряю сознание...
Прощай! Все кончается просто.
Но ты слышишь, родная,
как дрогнула разом гора?
Это голос орудий
и танков железная поступь,
Это наша победа
кричит громовое «ура!».

«Я буду бороться за право на жизнь нежных стихов и песен...»

Ананий Размыслов, 27 лет.

Старший лейтенант, командир роты воздушно-десантного стрелкового полка.

Погиб 30 сентября 1943 года в бою на левом берегу Днепра в селе Большая Кохновка

Сегодня Ананий Размыслов — признанный классик коми литературы. Его стихи в программе школ Республики Коми. Его фронтовые письма хранятся в литературном музее. Любимым поэтом Анания был Пушкин. В личном архиве поэта сохранилась рукописная тетрадь с переводами стихов и поэм Пушкина «Домик в Коломне» и «Братья-разбойники» на коми язык.

Ананий Размыслов родился в деревне Сотчем на берегу реки Вычегды. Его отец работал счетоводом и был самодеятельным поэтом и музыкантом. Ананий учился в Усть-Вымской школе, где начал писать стихи. В 1931 году, в шестнадцать лет, он поступил на литературные курсы в Сыктывкаре, тогда же опубликовал первое стихотворение. В 1933–1937 годах Ананий учился в автодорожном техникуме в Вологде. Вместе с поэтом Василием Елькиным (он тоже ушел на фронт и погиб в 1942 году) работал в газете «Коми комсомолец» (Сыктывкар). Занимался переводами Пушкина на коми язык.

Память о погибшем офицере с далекого русского Севера вот уже более 70 лет свято сохраняется в Кременчуге и в украинском селе Большая Кохновка, на улицах которого сражалась с врагом рота Анания Размыслова. Вот уже полвека семью Размысловых и учителей школы №24 Кременчуга связывает переписка. Письма с Украины полны не только тепла и дружества, но и той душевной близости, которая бывает только между родными людьми.

Из письма Зинаиды Прокопьевны Левич (Размысловой), сестры А.Размыслова автору-составителю книги:

«...В нашей семье было десять детей. Наш отец Прокопий Михайлович пел под гитару и сочинял стихи. Это были скромные вирши, но очевидно, что интерес к литературе Ананий воспринял от отца.

Первая книжка у Анания вышла в свет в июне 1941 года. Она называлась «Первая любовь». Только получив из типографии книжку, Ананий пошел в военкомат и записался добровольцем. На войну из нашей семьи ушли четырнадцать мужчин. Шестеро не вернулись.

Ананий успел подарить сборник «Первая любовь» своему другу Серафиму Попову, и тот всю войну носил ее в кармане гимнастерки. Капитан Попов вернулся домой и всегда говорил, что от пули его спасла эта 84-страничная книжка.

Ананий был ранен при форсировании Дона. После госпиталя попал на Курскую дугу. С весны 1943 воевал на Украине. Он был мало похож на лихого офицера — скромный, застенчивый, мечтательный, близорукий, но вот в 26 лет стал заместителем командира саперного батальона, а потом командиром роты десантников.

Погиб 30 сентября 1943 года при взятии села Большая Кохновка под Кременчугом в саду местной жительницы Прасковьи Прокопьевны Коба. Здесь же, под молодой яблоней, его и похоронили. Об этом мы узнали только в 1966 году, когда следопыты-шестиклассники г. Кременчуга нашли могилу брата — к тому времени ее перенесли в братское захоронение.

Тридцать лет мы переписывались с учительницей истории школы №24 Натальей Васильевной Перетокиной. Пионерский отряд этой школы стал носить имя Анания Размыслова. Школьники с нашей родины, из села Палевицы, приезжали в гости в

Кременчуг, чтобы поклониться могиле Анания. А мы, родные поэта, каждый юбилей Победы встречали в Кременчуге, пользуясь гостеприимством Натальи Васильевны.

В 1975 году мы шли в колонне с ветеранами войны по дороге, усыпанной живыми цветами. Я сказала брату Михаилу: «Запомни этот день! Это благодаря Ананию нам такая честь!» А в 1985 году на улице имени Размыслова в Кременчуге пионеры провели отрядный сбор и рассказали жителям этой улицы об Анании. Люди пришли со своими табуретками, принесли пироги, блины, варенье. Жители послушали стихи Анания и решили: «Оказывается, наша улица носит имя такого славного парня! Давайте поставим ему памятник общими силами...»

Но времена изменились. Вскоре умерла Наталья Васильевна Перетокина, и с тех пор мы переписываемся с учительницей Ольгой Афанасьевной Сидоренко. Шлю вам несколько писем из этой переписки. Они дают почувствовать ту трагедию, которую переживают наши народы на протяжении последних лет».

*Из писем учительницы Н.В.Перетокиной семье Размысловых.
Из Кременчуга в Сыктывкар:*

5 апреля 1995

Дорогие мои! Поздравляю вас всех с праздниками. 50 лет Победы. Не верится, что столько времени прошло, а ведь прошло. Всем народам близка и родна эта Победа. Как ни стараются разделить народы, а они близки друг другу — этого никто не отнимет. Ребята в этом году — 25 лет как окончили школу, соберутся возле братской могилы 9 мая. Думаю, что кто-то меня подвезет. Я-то себя плохо чувствую, теперь все надежды на ребят.

21 мая 1995

Дорогие мои, здравствуйте!

Праздники отшумели, остались воспоминания. 9 мая прошло хорошо, море цветов, людей... Я всю ночь готовилась, пила болеутоляющие лекарства, чтобы выдержать на ногах встречу. Саша нанял машину, привез меня к памятнику. Я вышла из машины, взглянула и не могла сдвинуться с места. Все витаю в памяти: 1965 год, дети, 5 класс, 47 человек, шумные, маленькие, пустырь и как они сажали деревья... А они уже собрались у входа и ждут меня. Видят, что я так стою и так смотрю — и подошли ко мне. Все обцеловали меня, и такие же шумные, как и были... Водитель все подгонял, и я толком ни с кем и не поговорила. Спасибо Оле — теперь она переняла эстафету. Целую вас всех крепко-крепко. Я люблю вас, не забывайте!

26 марта 1996

Дорогие наши незабываемые друзья, что стали по-настоящему родные! Здравствуйтесь! Ваше письмо прочитала нашим хорошим, таким родным ученикам-следопытам. Скоро праздник Победы, и они все как цыплята, будут на митинге. Очень дружные. Им уже за 40, а я их вижу все в 5 классе и на работе возле братской могилы... Всех вас поздравляю и желаю быть оптимистами, все боли и негоразды дружно пережить и победить.

Из писем О.А.Сидоренко, заслуженного учителя Украины:

Январь 2012

...В мае я была на братской могиле. Был большой митинг, море цветов. Но такой работы, которую проводила Наталья Васильевна Перетокина, давно уже никто не ведет. Приоритеты поменялись, мораль упала, традиции забылись. В общем, духовность не в моде. Горе не только для родителей, но и для страны в целом.

Май 2013

Примите наилучшие пожелания от нас, украинских друзей!

9 мая был митинг в Кохновке. Многолюдный. Были и первые следопыты, которые привели сюда уже своих внуков. А вот учителей школы №24, которых вы знали, уже не было, сильно болеют...

Из письма Анания Размыслова другу Федору Щербакову:

1943 г.

...Какая-то горечь на сердце, что мы в мирное время недостаточно дружили и любили... Мы должны беззаветно сражаться, чтобы в будущем мы или наши братья и сестры могли провозгласить еще более крепкую дружбу и любовь. Я буду еще сильнее бороться за право на жизнь нежных стихов и песен.

Стихотворение Анания Размыслова

Тёмный лес

(Перевод с коми языка Арсения Тарковского)

Древний лес, где пределы твоей
В полумрак уходящей чащи?
Сколько птиц ты вскормил и зверей,
Сколько вырастил дичи бродячей?

Напеваешь, в себя погружён,
Жгучий ветер тебе подпевает.
И зимою, и летом твой сон
Мне и радость, и грусть навевает.

Ты мне осенью люб и весной,
И зимою мне дорог, и летом,
Лес, охваченный странной игрой
И пронизанный сказочным светом.

Разгадал я загадку твою,
Тёмный лес без конца и без края,
Как сопесенник твой, я пою,
Грусть и радость твою принимая.

1932

«Ты не пиши мне, что расцвел миндаль...»

Мирза Геловани, 27 лет.

Капитан, командир танкового батальона.

Погиб 19 июля 1944 года в операции «Багратион» по освобождению Белоруссии.

В поселке Тианете близ Тбилиси есть дом-музей Мирзы Геловани. Много лет земляки поэта просят власти перенести прах Мирзы Геловани на Родину, считая, что поэт такого масштаба, да еще герой войны, должен покоиться в пантеоне писателей и общественных деятелей Грузии на склоне горы Мтацминда. Перенос праха должен был состояться в 2015 году, к 70-летию Победы. Но «Всегрузинское общество Руставели» на эту благородную

акцию спонсора так и не нашло, прах Геловани продолжает оставаться упокоенным в Белоруссии.

Мирза Гедеонович Геловани родился 2 марта 1917 года в селе Накалакари у подножия Тианетских гор. Его первые стихи, появившиеся в печати, когда автору было 18 лет, привлекли внимание великого Галактиона Табидзе. Мирза окончил Тианетский педагогический техникум, работал в школе, а потом корректором в тбилисском издательстве «Сабчота Мцeralи».

Был призван в армию в октябре 1939 года. Окончил танковое училище. Дослужился до комбата. И на фронте продолжал писать стихи. Сохранилось 37 его военных стихотворений.

Мирза погиб на третий день операции «Багратион» 26 июня 1944 года при форсировании Западной Двины. Похоронен он был в лесу у села Нижнее Кривино, позднее прах героя был перенесен в братскую могилу на кладбище близ села Санники Бешенковичского района Витебской области в Белоруссии.

Из писем Мирзы Геловани матери:

Сентябрь 1940

Не знаю почему, но я очень боюсь за себя. Боюсь оказаться забытым всеми. Я много хотел и много могу сделать, но не знаю как. Вдруг моя судьба здесь продлится. Меня устанут ждать в Грузии, и я сам устану ждать. Вот и 24 уже исполняется. Это достаточно большой возраст, а я еще ничего не успел сделать.

Июнь 1941

Прежде всего хочу попросить у вас прощения за все те огорчения, которые вам доставил. За все те ошибки, которые так часто совершал. Война началась. Я давно знал, что она начнется. Чувствовал. И вы, очевидно, также — только разница в том, что вы боитесь меня потерять. Мы же не боимся ничего, только вы не переживайте и не печальтесь. Я хочу, чтобы вы смотрели на эту войну моими глазами: бесстрашно, без горечи.

Верьте, мои дорогие, если в этой войне моя жизнь прервется, если мне суждено умереть, моя жизнь очень дорого обойдется врагу. И вам не придется стыдиться, потому что я плоть от плоти и кровь от крови ваш сын.... Вы можете с гордостью сказать, что я защищаю свою Родину для того, чтобы грядущие поколения были здоровы, счастливы, сильны.

Мама, как я благодарен вам за то, что вы привили мне любовь к оружию с детства. Любовь к оружию, правде и мужеству.

Грузинские матери всегда без слез провожали сыновей на верную смерть, потому что смерть за Родину не нуждается в слезах.

Через несколько часов уйду. Сотни тысяч юношей уже успели погибнуть, и их кровь зовет меня в бой.

Верю: я рожден быть участником величайших сдвигов и с этой войны, из этого урагана вернусь вместе с победившей армией. Пройду через все бури и вернусь. Я молод и полон надежд. Нет пули, которая сразит меня, ибо корни мои в той стране, которую убивали и которая всегда возрождалась и не умирала. Ибо я полон надежд, а надежда побеждает смерть.

31 августа 1941

Прекрасный народ русские! Иду на фронт или возвращаюсь с фронта — всегда встречают с удивительным радушием. Молоко, мед и горячий чай у нас всегда есть. Я уже познакомился с Россией и рад, что она так хороша. В маленьких прифронтовых

деревушках у меня уже есть хорошие знакомые. Встречая и провожая меня, они говорят: «Да хранит тебя Бог, сынок!». Осенив меня крестом, просят не забывать их.

2 апреля 1942

Видите, мама, как затянулась наша разлука. Годы идут. И будущее очень неясно, хотя я верю, что вернусь вместе с победившей армией и вновь почувствую себя около вас маленьким мальчиком. Все же кто знает, когда все это произойдет!

31 октября 1943

Дорогие родители! Часто вспоминаю вас. Сегодня говорил с товарищами о доме, о том, что пришлось оставить и что уже никогда не повторится.

Я не люблю говорить о будущем. Прежде я любил лишь думать о нем...

Да, я живу по-солдатски. В лесу, в землянке. Все прошлые привычки остались там, наверху. В землянке родились новые, быть может, странные привычки, непонятные вам, как и всем тем, кто не знает, что значит быть на фронте.

Порой приходят детские чувства, вернее, воспоминания о пережитом в детстве, и утешают меня. Перед глазами встают знакомые пейзажи и картины детства, властно вошедшие в сердце, заполнившие его и оставшиеся там навсегда. Но это случается иногда... Мне трудно писать вам письма, потому что они беспокоят меня и пробуждают множество воспоминаний. Сегодня вечером в душе было беспокойно. Какое-то странное чувство тревожно завладело мной этим вечером.

1944

У меня была возможность остаться в Москве, но я почему-то не захотел — и вот я снова на фронте. Трудно представить, но, оказывается, привыкаешь к фронту и к трудностям: кончится война, и сердце, быть может, заскучает в мирной жизни.

Белорусские леса и болота пробуждаются. Пришла весна и будоражит землю. До чего хорош этот последний день апреля! Стоит солнечный, апрельский день, и душа моя полна добра, радости. Радость переполняет меня, и я так свободен и беспечен, словно ко мне вернулось детство.

Сегодня, в этот час, когда я получил твое письмо, я — двадцатисемилетний ребенок — решил немедленно ответить тебе...

Сегодня точно такой день, как и тогда. В природе многое повторяется. И дни, оказывается, повторяются в природе, и облачко так же застыло в северном небе, как и тогда, в небе над Тбилиси. Солнце, выбросив золотые кисти, легкое, как прозрачный и трепещущий мыльный шарик, плывет высоко, совсем высоко, и я жду: лопнет в прозрачной сини солнце, и упадут на землю золотые капли чудесным видением...

Двадцатисемилетний мальчик! Передо мной сейчас встают все мои прошлые годы — с болью, которую причинили, с обманом, мне предназначенным.

Лето 1944

Почему не напечатали моих стихов, неужели они недостаточно искренни? ...Сегодня дождливый день. Обычный белорусский дождливый день. Дождь моросит непрерывно, и мне кажется, что он идет нарочно, чтобы разозлить людей. Так происходит иногда и в душах людских, начнется непрерывный дождь, моросит, моросит, моросит...

В моем сердце нет дождя. Только боль в моем сердце от того, что в Грузии забыли меня именно те, на кого я надеялся и в кого верил. Доброго им пути!

19 июня 1944

Устану, ослабеют сильные руки, перетрудится сердце, но достаточно задуматься — перейти черту обыденного, встретиться с поэзией и красотой, как исчезает усталость.

Из стихотворений Мирзы Геловани

* * *

Ты помнишь,
 мины рвались то и дело
И вся земля вокруг была черна?
Ты помнишь, пуля мимо пролетела,
Но сердце друга встретила она?
Лежал он у ограды церкви бывшей
В шинели непомерной ширины,
Ещё не знавший счастья,
 не любивший,
Неделю не доживший до весны.
Взрывной волною сплюснен был и погнут
Его выдавший виды автомат...
И ты сказал, что главное —
 не дрогнуть
От скорби, испытаний и утрат.
Идём с боями...
 Медленные метры!
В глазах убитых — злых пожарищ медь...
Ничто и нас не оградит от смерти,
Коль не сумеем смерть мы одолеть.

1942

Перевод Ю.Полухина

Не пиши

Ты не пиши мне, что расцвел миндаль,
Что над Мтацминдой небо, как атлас,
Что Грузии приветливая даль
Согрета солнцем ласковым сейчас.
Что Ортачала, как и ты, с утра
Надела платье из степных цветов
И что вздыхает гордая Кура,
Когда Метехи видит средь садов.
С огнём я этой ночью воевал,
И всё казалось мне в дыму атак,
Что за спиной Тбилиси мой стоял
И так смотрел!
 И улыбался так!
А в Ортачала расцветал миндаль,
Диск солнца плыл по черепицам крыш,
И ты пришла. И только было жаль,
Что вдалеке, любимая, стоишь.
Ты не пиши...Ведь знаю я и сам,
Что весь в цветах лежит проспект Шота
И кто-то ходит ночью по полям,
Их одевая в летние цвета.
И знаю,
 знаю, что сиянье дня
Хранишь ты в сердце трепетном своём,
И если пуля обойдёт меня,
И если весны встретим мы вдвоём,
Тогда скажу я то, о чем молчал:
Что я навек пришел к глазам твоим,
А тот, кто солнце в битве отстоял,
Имеет право
 любоваться им.

1943

Перевод Ю.Полухина

* * *

Фашист зарылся в темноту. А в наши лица бьёт пурга,
 И превращается в мечту желание убить врага.
 Какая мокрая метель на неприкаянной земле!
 И верная моя шинель отказывает мне в тепле.
 Сырой неумолимый снег — как будто серая стена.
 И я не закрываю век, но явь не заслоняет сна...
 ...Я вижу снег, но он иной, и щепки яркие на нём.
 Соседский мальчик озорной готовит санки под окном.
 Мой брат в заснеженном саду шагнет то вправо, то левой,
 Освобождая на ходу от снега чёрточки ветвей...
 Камин вздыхает, как всегда, когда душа его в огне...
 С воробышком стряслась беда — он так пищит... И обо мне
 Горюет мать. И мой отец, добряк, умелец и шутник,
 Замучен думами вконец, над верстаком своим поник...
 Хочу вернуться... так хочу! Промерзший на чужом ветру,
 К камину, как больной к врачу, я кинусь, кинусь; и замру.
 И счастья непочатый край откроется передо мной.
 И можно всё: и
 слушать зов собаки старенькой цепной,
 И по-мальчишески мечтать, и строить домик воробью,
 И у окошка наблюдать, как тают хлопья...
 Но стою,
 Как все. Кругом война. Пурга. И обе кончиться должны.
 Метёт... Не кану ли в снега такой пурги, такой войны?..
 И что-то не к добру болит сегодня сердце у меня.
 Так наша Джавтия скулит, там, дома, на закате дня...

1943

Перевод Ю.Полухина

«Сгорели в них мальчишеские сны...»

Илья Лапшин, 23 года.

Старший сержант, переводчик. Погиб на правом берегу Днепра 30 сентября 1943 года.

В июле 1943 года командир полка наградил старшего сержанта Лапшина командировкой в столицу. Парня призвали с первого курса Литинститута еще в 1939 году, и только один раз, в сорок первом, он забегал домой, — тогда его часть перебрасывали с Дальнего Востока под Москву. И потом еще раз — летом 1943...

Илья Лапшин родился в Москве в семье потомственного врача. Его отец рано умер, и Илья воспитывался в доме деда Александра Ивановича Лапшина — создателя Московского противотуберкулезного института. Учился в одном классе с Борисом Смоленским. Дружил с Михаилом Кульчицким, Борисом Слуцким и Давидом Самойловым. При жизни не печатался. После призыва в армию служил на Дальнем Востоке в редакции бригадной многотиражки, где познакомился с Вячеславом Кондратьевым, будущим писателем, автором повести «Сашка». По словам Кондратьева, Лапшин «дезертировал на фронт» — то есть самовольно оставил службу в дальневосточной многотиражке, чтобы отправиться на передовую вместе с друзьями.

Илья Лапшин служил в роте связи переводчиком и не раз ходил с разведчиками за линию фронта. Знал язык врага как родной. В детстве у него была нянька-немка, а учился он в немецкой школе имени Карла Либкнехта.

За четыре года армейской службы Илья так и не смог огрубеть, и за это его любили и солдаты, и офицеры. Большой, рыжеватый и добродушный, он по-детски

довольно сильно заикался. Но стоило ему перейти на немецкий, как заикание исчезало.

И вот — командировка. Счастливый билет! Целью командировки командир назначил приобретение «культурного инвентаря». Возможно, имелся в виду баян и другой музыкальный инструмент. На руки Илье дали четыре тысячи рублей. По довоенному — приличная сумма. А в 1943-м уже не так и много — килограмм картошки на базаре стоил почти сто рублей.

И вот Илья в Москве. Как во сне он добрался до флигеля на Новой Божедомке. Во дворе после дождя залиты тропинки, липовый цвет осыпается. Ящик с песком — чтобы тушить зажигалки — так и стоит с лета 1941.

Первый этаж. Родная дверь. Под звонком — дедова табличка «Профессор А.И. Лапшин». Открыла мама. Долго стояли, обнявшись.

Бросив вещмешок, Илья прошел в свою комнату. Там все ждало его: старые часы, книги, папки с рукописями, портреты Пушкина, Блока, Бальмонта и Есенина. В солнечных лучах клубились поднятые по тревоге пылинки. Илья подошел к окну, щелкнул шпингалетом и распахнул створки.

...— Мама, сколько же я спал? — спросил он на другое утро.

— Почти сутки. Сегодня уже понедельник.

— Что же ты меня не будишь?..

Мать только улынулась: «Мне пора на дежурство в госпиталь. Не забудь пообедать. А поужинаем вместе. Если меня отпустят. Но я скажу: сын приехал. Отпустят...»

— А я, мам, в институт съезжу. Может, кого застану.

Они вместе вышли из дома. Илья проводил мать до ворот госпиталя, а сам запрыгнул на подножку набитого трамвая.

Народ, заметив солдата, чуть расступился, пропуская его на площадку. Илье вдруг захотелось, чтобы его кто-то узнал. А еще лучше — чтобы одна из девушек узнала его. «Это ты?...» — растерянно и восхищенно прошептала бы она. «Как видишь...»

С боков его теснили двое — симпатичный дядька в стареньком пиджаке и чернявый подросток. Наверное, отец и сын. Дядька по-свойски вглядывался в высокого Илью снизу вверх: «Вижу — наш брат, фронтовик. А меня, брат, списали под чистую после госпиталя. Кую, так сказать, победу в тылу. Как там — драпают немец?...»

Илья пожал плечами. Он вспомнил серую деревню на взгорке, которую весной они не могли взять почти полтора месяца. Окопы, в которые стекала талая вода. Изрытое черными пятнами снежное поле между окопами и деревней.

— Ну, бывай, сержант. Бей там извергов по-нашему, по-гвардейски.

Скоро Илья уже шел к институту, который желтел за старыми липами. На вахте сидела незнакомая женщина. «Ты куда?» — остановила она Илью.

— Я здесь учусь... учился. До войны.

— Документы покажи.

Илья привычно прижал руку к нагрудному карману гимнастерки — тот был пуст.

Он лихорадочно расстегнул гимнастерку и проверил внутренний карман. Пусто. Ни документов, ни денег.

Илья развернулся кругом и пошел наугад, все еще ощупывая себя. Ему стало... нет, не страшно. Это было что-то хуже страха. Какое-то липкое, унижительное чувство все плотнее охватывало его. Он даже брезгливо тряхнул головой, словно это был сон, наваждение. Его — фронтовика, разведчика! — обчистили среди бела дня в родном городе. Ограбили те, кого он и его ребята прикрывают там, в окопах.

Лапшин шел по летней Москве со сжатыми добела кулаками, ничего и никого не замечая. Нечаянно уперся в стенд с газетой: «От СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО.

Утреннее сообщение. В течение ночи на 3 июля на фронте ничего существенного не произошло...»

В Центральном архиве Министерства обороны хранится учетная карточка Московского военно-пересыльного пункта, заполненная Ильей Лапшиным 5 июля 1943 года в 14.00:

«Приехал в командировку в Москву, при проезде в трамвае украли все документы, свидетельствующие о моем пребывании в командировке.

Явился к к-омендан >ту г. Москвы, был направлен на МВПТ.

Дополнительно докладываю.

Прибыл в командировку из 76 учебного полка автоматчиков. Назначение командировки — приобретение <нрзб> для офицерского клуба. Срок командировки с 3 июля 43 г. по 15 июля 43 г. Документы утеряны. Из части получено <...> рублей, с собой 590 р. <...> утащили, остальные дома на квартире в Москве...»

На другой день Илья уехал в свою часть.

Он погиб 30 сентября 1943 года — в один день с поэтом Ананием Размысловым. И в тех же местах — в битве за Днепр.

Илья Лапшин похоронен около моста в двух километрах западнее деревни Окунево Чернобыльского района Киевской области. Имя Ильи Лапшина нанесено на мемориальную доску в Литературном институте им. М. Горького.

Автобиография Ильи Лапшина, написанная им в 1939 году при поступлении в Литературный институт

Я родился 19 февраля 1920 г. в Москве, в семье врача. Отец мой умер от тифа в 1921 году и я остался на попечении матери (фельдшерицы в тубдиспансере) и деда (врача-профессора Лапшина).

В 1928 году я поступил в первый класс немецкой школы им. Карла Либкнехта в Москве, желая в совершенстве усвоить немецкий язык, которому я научился дома у своей дальней родственницы.

В этой школе я пробыл до 1938 года, до ее расформирования, после которого я немедленно перешел в 189 школу. Эту школу я кончил в 1939 году.

В 8 классе немецкой школы я пробыл два года в виду перенесенного мною тяжелого заболевания дифтеритом.

Под влиянием деда, занимавшегося исследованиями по русской литературе и имевшего обширную библиотеку, у меня появился определенный интерес к литературе, в особенности к поэзии.

Уже года три как я пишу стихи, но только в этом году у меня появился долг писать о времени.

Сейчас я считаю важнейшей проблемой в поэзии — проблему новой родины и нового человека.

В этом году зимой я вступил в ряды ВЛКСМ. Во всех школах, в которых я учился, я бывал редактором стенгазет.

Поступаю в Институт, чтобы сделать из себя настоящего, крепкого советского поэта.

Последние стихи Ильи Лапшина

* * *

Пройдёт война, и зарастут воронки
Зелёной идиллической травой,
И защебечет жаворонок звонко
Над полосой, когда-то фронтовой...
Расскажем детям мы, как шли когда-то
Солдатами в разведку на заре,
И прошлое припомнится как дата
В оборванном давно календаре.
А может быть, мы, ветераны, будем
Дремать на солнце где-нибудь в Крыму,
О тех годах, растаявших в дыму...

Быть может, мы возьмём и позабудем.
Но — так не будет. Слишком многим были
Для нас года и бедствия войны,
Окрепили в них мальчишеские были,
Сгорели в них мальчишеские сны.
И если жить — так жить до иступленья
И быть всегда подобранным и злым,
Но разве может наше поколение,
Войну прошедшее, когда-то стать иным?
И будет нам необходимо, надо
По-пехотински сутками шагать,
Пойдём мы стариками к Сталинграду,
Чтобы у Волги юность вспоминать.
И защебечет жаворонок звонко
Над полосой, когда-то фронтовой...
И посидим мы молча над воронкой,
Заросшей идиллической травой...

1943